

Klymenko A. S. Semantic Differentiation / Semantically Undifferentiated Character of Lexems as an Alternative Linguo-Cultural Axiological Criterion

The article reveals the correlation of the universal linguistic tendencies for semantic differentiation vocabulary, which is a reflection of the continuous detailing concepts, and historical features of the national French standards, consisting in the breadth of the semantics of the word, in the regulatory assessment of Anglicism in French Language. On the conservation of the national norm in modern traditional semantic features undifferentiated words are testified the cases of replacement of eventually borrowings that are of the specific value substitutions by the French general semantics. The author emphasizes the fact of ignoring the trend of modern languages to semantic differentiation in the publications of French culture. The existence in the modern French rate the opposite tendencies of semantic differentiation leads to the penetration of French borrowing of particular importance according to the universal premise of inner speech development. This fact also helps the spread and consolidation of the French substitutions according to the opposite trend to the latitude of the semantics of words through which retained national character language. The fact of substitution stipulates the necessity to the use the relevant groups of borrowing alternative in linguo -cultural axiological criterion. It is obviously evident that the negative criteria of the lower ranks, which particularly exist in Phonographic and grammatical adaptation, is commonly neutralized.

Key words: linguo-cultural criterion, literary norm, semantic differentiations, Anglicism, axiological criterion.

Стаття надійшла до друку 05.02.2013 р.

Прийнято до друку 06.03.2013 р.

Рецензент – д. філол. наук, проф. Буніятова І. Р.

УДК 81'23:159.942.3

Г. А. Коробка

**ВЗАИМОСВЯЗЬ ЯЗЫКОВОГО СОЗНАНИЯ И СМЕХОВОЙ
КОММУНИКАЦИИ В ЛИНГВОФИЛОСОФСКОЙ КОНЦЕПЦИИ
ЯЗЫКА СМЕХА**

На человека воздействуют общество и природа, создающие некоторые надстроечные механизмы (маски), которые фиксируются на сознательном, бессознательном и даже генном уровнях его бытия. Все эти „маски” закрепляются в определённых понятиях и смысловых конфигурациях, а также на уровне коллективного, индивидуального и символического бессознательного, ключом к пониманию которых служит язык. Именно язык обеспечивает доступ к сознанию и мышлению

и вербализирует результаты мыслительной деятельности. Современная лингвистика вышла за рамки изучения только строения языка. Актуальными становятся новые научные задачи, а именно, как язык связан с миром человека, в какой мере человек зависит от языка, каким образом ситуация общения определяет выбор языковых средств. Стремясь ответить на эти вопросы, лингвисты были вынуждены расширить предмет своего изучения и совершили выход на территорию, традиционно закрепленную за представителями смежных наук, в первую очередь, философии, психологии, культурологии, и т. д., в результате чего возникли такие области языкознания, как лингвофилософия, психолингвистика, лингвокультурология и др.

В данной работе предпринята попытка рассмотреть проблемы смеха и языка смеха на стыке лингвистики, философии и психологии, тем самым, обеспечивая многомерный, масштабный и интегрированный объект исследования. Смех является одним из самых совершенных способов реакции человека на всевозможные отклонения от выработанных обществом нормативов поведения, преодоления табу и освобождения от догматических принципов, а язык смеха, в свою очередь, является специфическим и универсальным средством выражения смеха, обеспечивающим возможность процессуального разворачивания в пространственно-временных формах и рефлексивного осмысления действительности. Это развивающаяся семиотическая система словесных выражений, а также совокупность телесных проявлений (особенностей внешнего облика, движений, мимики и жестов), отражающая душевное радостное и приподнятое состояние человека. Важнейшим компонентом речевой организации человека является языковое сознание. Языковая способность и коммуникативная потребность выступают как предпосылки для овладения языком и осуществления общения, коммуникативная компетенция – как проявление языкового сознания в выборе средств общения. Языковое сознание реализуется в речевой деятельности, т. е. в процессах говорения (письма) и понимания, по Л. В. Щербе. Компоненты речевой организации человека неоднородны, наиболее конкретным является акт речевого поведения, наиболее абстрактным – языковое сознание человека, включающее чувства, волю, мышление, память в их неразрывном единстве.

Влияние З. Фрейда на изучение юмора и смеха считается бесспорным. В своей работе „Остроумие и его отношение к бессознательному” (1905) Фрейд, изучив большинство доступных ему тогда работ (Ф. Т. Фишера, К. Фишера, А. Бергсона, Жана-Поля и др.) о смехе, дает психологическую оценку остроумию, комизму, юмору. Ценность труда Фрейда – в нацеленности на выработку механизма технических средств, конструирующих остроту. Фрейд приводит несколько определений остроумия, данных другими мыслителями. Так, К. Фишер высказывается об остроумии следующим образом: „Остроумие

есть игривое суждение». Жан-Поль выразил эту мысль остроумно: „Остроумие – это переодетый священник, который венчает каждую пару”. Ф. Т. Фишер продолжает эту мысль: „Он венчает охотнее всего ту пару, к соединению которой родственники относятся нетерпимо”. В отдельных вопросах толкования комического Фрейд частично соглашается с бергсоновской теорией и выводит собственную формулу смеха. Главный смысл смеха автор видит в „страсти к нелепости”, источником комического явления индивидуальные качества субъекта, что и побуждает Фрейда искать понимание комизма в психогенезе. В этой связи представляется настоящей попыткой рассмотреть взгляды основоположника психоанализа на феномен самого смеха. В какой-то степени это, по-видимому, поможет понять не только отношение Фрейда к смешному, но и объяснить, как тесно язык смеха связан с бессознательным и насколько важна такая связь смеха с языковым сознанием в его лингвофилософской трактовке, а также насколько важно обладать чувством юмора в педагогической деятельности и справляться с различными критическими ситуациями в учебном процессе. Это и будет целями нашего исследования.

В концепции Фрейда наибольший интерес представляет анализ двойственной природы комического, остроумия и юмора. Остроумие направлено на то, чтобы логически верную мысль выразить логически неверным способом. Осознание этого контраста доставляет смеющемуся удовольствие. К удовольствию от техники остроумия добавляется удовольствие от реализации через смех подсознательных влечений. В результате устранения необходимости подавления подсознательных влечений (агрессивных или сексуальных) происходит экономия психической энергии, составляющая основу подобного удовольствия [3, с. 189]. Рассматривая смех как освобождение от накопившейся нервной энергии, Фрейд констатирует, что все смеховые ситуации доставляют удовольствие, т. к. они экономят психическую энергию. Юмор доставляет удовольствие, т. к. он экономит расход чувств, комедия – расход идей, а шутки – торможение. Эта сохранённая энергия выливается в смехе, которая служит своего рода „клапаном безопасности”. Итак, для Фрейда психический акт остроты, юмора и комизма – разные переживания. Механизм остроты, по его мнению, во многом совпадает с механизмом сновидений (изображение при помощи противоположности, не прямое изображение, замена мысли намеком, деталью, символикой и т. д.). Шутки, подобно сновидениям, имеют скрытые преимущества: и те, и другие позволяют нам использовать скрытые источники удовольствия и открывают доступ к „бессознательному”. Но при всём сходстве остроумия и сновидения у них есть существенные различия, важнейшее из которых заключается в различии их социального статуса, где сновидение асоциально и не может сказать ничего другому человеку, а острота, наоборот, социальный механизм, и направлена на получение удовольствия.

Разделяя понятия „остроумие”, „комизм”, „юмор”, автор все же находит большое сходство в их интерпретации. В частности, основным критерием выделения этих понятий служит принцип затраты и освобождения энергии. Фрейд выводит различие между этими понятиями из представления об экономии психической энергии. Остроумие экономит психическую энергию за счёт того, что уменьшается необходимость тормозить свои побуждения и импульсы; остроумие – это отдушина для чувства враждебности, которое не может быть удовлетворено другим способом.

Комическое – по Фрейду – отличается от остроумия тем, что оно неумышленно. Неловкое движение может быть комично, но не остроумно. Восприятие комического Фрейд сводит к такой последовательности: он поступает так – я поступаю по-другому – он поступает так, как и я поступал в детстве. Комизм экономит психическую энергию за счёт “экономии мышления”.

Наконец, чувство юмора, позволяя увидеть смешную сторону неприятного явления, преобразует боль и гнев в улыбку и смех. Это экономия чувств. Юмор считается самым умеренным из всех видов комизма; его процесс осуществляется уже при наличии одного только человека; участие другого не прибавляет к нему ничего нового. Можно наслаждаться возникшим юмористическим удовольствием, не испытывая потребности рассказать о нем другому человеку. Таким образом, Фрейд отличал юмор, остроумие и комизм. Общее здесь – смех и экономия психической энергии: остроумие экономит торможение, комизм экономит мышление, юмор экономит чувства. Если обратиться к толкованию терминов „юмора” и „остроумие”, то мы увидим, что „юмор” – (англ., восходящее к латинскому – „влага”) – понимание смешного, умение видеть и показать комичное, выделить забавное из целого, доброжелательное и насмешливое отношения к чему-либо, умение видеть и воспринимать события, недостатки и т. п. в комедийном виде, а „остроумие” – слово, обозначающее „остроту ума”, направленную на изобретательное и находчивое выделение, описание комичного, подчеркивание смешного. Юмор и остроумие – качества личности, полностью отвергающие злость, агрессивность в любом из проявлений – являются средствами эмоционального воздействия на собеседника, в которых также проявляется нравственность. Остроумие по отношению к юмору является первичным, а юмор – вторичным: шутки (анекдоты) придумывают те, кто остроумен, рассказывают (пересказывают) те, кто имеет чувство юмора. Обычно вызывают улыбку анекдоты, связанные с различными классификациями, касающимися представлений о других народах. Например, переведенный на русский язык, следующий анекдот не вполне вписывается в представление русских об итальянцах, но становится понятным благодаря контексту:

Как убедить новобранца-парашютиста сделать первый прыжок? Американцу нужно сказать: „Если ты мужчина, ты

прыгнешь!” Англичанину: „Сэр, это – традиция”. Французу: „Это – просьба дамы”. Немцу: „Это приказ”. Итальянцу: „Прыгать запрещено!”.

Фрейд, анализируя многочисленные остроты, предложил формальную классификацию, выделив три основных технических приёма словесных острот, которые могут быть отнесены к структуре языка смеха: *сгущение* (со смешанным словообразованием и с модификацией); *употребление одного и того же материала* (целое и части, перестановка, небольшая модификация, одни и те же слова, употреблённые в новом смысле и потерявшие первоначальный смысл); *двусмысленность* (обозначение имени собственного и вещи, метафорическое и вещественное значение слова, игра слов, двойное толкование, двусмысленность с намёком). Также Фрейд выделяет остроты по смыслу (передвигание, ошибки мышления, бессмыслица, не прямое изображение, изображение при помощи противоположности). Острота имеет чрезвычайно резко выраженный характер внезапно „пришедшей в голову мысли”. Ещё за один момент до этого человек не знает, какую он создаст остроту, которую останется лишь облечь в словесную форму.

3. Фрейд разрабатывает лингвофилософскую проблему отношения языка (выражения остроумия) и мышления. Существенным моментом в исследовании остроумия является характеристика тенденциозного остроумия Фрейдом. Если техника остроты – это её форма, то содержанием остроты является её тенденция, которая в свою очередь подразделяется на безобидную остроту (острота как самоцель) и тенденциозную остроту. При безобидной остроте удовольствие вызывается исключительно техникой остроумия, которая позволяет избежать логического контроля, что приводит к экономии нервной энергии. Приёмы остроумия направлены на то, чтобы логически верную мысль выразить логически неверным способом. Само понимание этого контраста доставляет удовольствие. Сами остроты могут не иметь никакой цели, в отличие от тенденциозности. В ряду тенденциозного остроумия Фрейд перечисляет следующее: обнажающее (скабрёзное), агрессивное (враждебное), циничное (критическое, святотатственное), а также особый вид тенденциозного остроумия – „скептические” остроты. Только тенденциозная острота подвержена опасности натолкнуться на людей, которые не хотят её выслушать. Едкая острота в адрес врага – это нечто вроде его символического убийства, поскольку уничтожить его в буквальном смысле нельзя из-за моральных преград или страха перед наказанием.

Смех является одним из показателей связи Я-Ты [2]. Это связь-коммуникация в лингвофилософии. Без неё невозможно человеческое общение. А язык смеха не результат этой связи и не её основа, а – всего лишь её показатель, поскольку сам возникает на основе этой связи. Смех невозможен без некоторой открытости со стороны воспринимающего

смешное. Такая открытость, или готовность к диалогу, характеризует связь Я-Ты (или, назовём её, *смеховой коммуникацией* в языке смеха), а значит и возможность для момента смеха вызванном чем-то комичным, смешным, остроумным. Смех – наилучшая награда за удачно рассказанную шутку или анекдот. На первый взгляд, кажется, будто комическое апеллирует к рассудку, используя общие логические схемы, делая „логические” выводы, однако при более подробном рассмотрении становится ясно, что смех от комического возникает не как рациональная реакция, а как реакция на раздражитель, рефлекторно. Смех – рефлекс, очень похожий на безусловный. Он иррационален и бессознателен. Однако не стоит путать смех с самим предметом смеха, который почти всегда предлагается вниманию воспринимающего совершенно осознанно. Источник смешного смеется только либо в предвкушении смеха воспринимающего, либо заражаясь его смехом. Если воспринимающий готов к смеху, то вызвать смех достаточно легко. У неготового же к смеху и смешному человека вызвать смех крайне трудно. Но случившийся смех остановить практически невозможно и он превращается в экстатическое состояние. В этом состоянии происходит внутренняя самостимуляция смеха. Человек забывается в смехе. Поэтому, рискнём назвать смех наркотиком, как его называли Ж. Делёз и М. Фуко. Смех, как и другие виды наркотических средств, осуществляет *защитную функцию* отгораживания от предъявляемой реальности. Это и подтверждает Зигмунд Фрейд, который одним из первых рассмотрел юмор в качестве защитного средства. „Защитные процессы, – пишет он, – являются психическими коррелятивами рефлекса бегства и преследуют цель: предупредить возникновение неудовольствия; при выполнении этой задачи они служат для душевной жизни автоматическим регулятором, который, в конце концов, оказывается, конечно, в чем-то ущербным для нас и должен, поэтому, подвергнуться подавлению со стороны сознательного мышления <...> Юмор может быть понят как высшая из этих защитных функций” [3, с. 296]. Исходящая из источника комического некоторая фраза или демонстрация затрагивает в бессознательном воспринимающего соответствующую точку раздражения. Эта точка раздражения является некоторой нормой, усвоенной в процессе жизни в обществе, в процессе культурной жизни. Сама же фраза или демонстрация направлена на обострение этой нормы с помощью приемов остроумия (передвигания смысла, преувеличения и др.). Смех вызывает наглядная явность несоответствия предлагаемой фразы или демонстрации нормы, которая в свою очередь вызывает естественную аффективную реакцию отторжения реальности, заключенной в предлагаемой фразе или демонстрации. Эта реакция – смех. Так осуществляется защитная функция смеха.

Объясняя место шутки, каламбура в логике невротиков, Фрейд считал, что следующий за ними смех разряжает напряженность, созданную ограничениями со стороны общества. Такая разрядка

вызывает чувство удовлетворенности, хотя бы и временное, у участников конфликта и способствует разрешению проблем. Положительная оценка шутника оказывается необходимым стимулятором пусть краткой, но весьма положительной активности. Умело и вовремя рассказанная история выполняет и уже упомянутую защитную функцию. В любом случае рассказчик имеет реальную возможность разрядить напряженность в межличностных отношениях.

Для возникновения смеха необходимо, чтобы и у производителя и у воспринимающего было заложено в сознании нечто общее. Необходимо, чтобы и тот, и другой „настроились на одну волну”, то есть, другими словами, чтобы состоялась связь-коммуникация Я-Ты (*смеховая коммуникация*), чтобы между двумя сторонами образовалось единое поле напряжения, должен образоваться непрерывный континуум сознания. Он влияет на бытие опосредованно – через сознание, а на сознание – непосредственно. В принципе можно сказать, что этот континуум и есть языковое сознание с одной лишь оговоркой – сознание не исчерпывается этим континуумом, он, если так можно выразиться, элемент общественного сознания. Проверкой степени вхождения в непрерывный континуум сознания служит остроумие. В непрерывном континууме сознания существуют знаки, символы, язык (его идеальная часть, то есть то, что обозначается словами), смысл, идеи – одни для определенной общности людей. Он является основой понимания людьми друг друга, основой диалога. Непрерывный континуум сознания есть осуществление формы диалога Я-Ты. Каждая общность людей вырабатывает свой непрерывный континуум сознания. Именно на нем она и строится. Различие культур заключено в различии непрерывных континуумов сознания людей, принадлежащих к этим культурам. Именно поэтому, „многие комические вещи совершенно непередаваемы с одного языка на другой, потому что они тесно связаны с нравами и представлениями данного общества”, данной культуры. Таким образом, совместный смех объединяет смеющихся, а выступающий в качестве непринятой реальности предмет смеха отгораживается наркотическим свойством смеха [2]. А как это нужно преподавателю? В учебном процессе можно наблюдать, как в критических ситуациях язык смеха помогает погасить конфликт, избежать его совсем, снять усталость, повысить эффективность педагогической деятельности, собраться с мыслями, в конце концов, вернуть самообладание тому педагогу, который находится на грани паники, способной иногда парализовать его волю и сознание. С помощью юмора можно руководить групповым расположением духа, создавать условия к коллективным действиям, формировать коллектив. Постоянная суровость, злостное лицо преподавателя нередко вызовет внутреннее сопротивление и протест студентов. Психолог Николай Козлов в „Философских сказках» убеждает читателя, что „добрый юмор, сочувствие, хвальба, благодарность, обращение внимания” – это то, что поднимает

значимость преподавателя в глазах студентов. Регулярные порции смеха способны создать настоящее чудо – наилучшим образом отразиться на нашем эмоциональном и физическом состоянии. Юмор всегда несет в себе переоценку событий, порождает способность относиться к чему-нибудь волнительному как к явлению малозначительному и не достойного настолько пристального внимания. Умение шутить и понимать шутку – универсальный пропуск в мире людей. Умение шутить весело и остро – признак коммуникативного человека, открытого миру. Именно юмор дает возможность мыслить парадоксально и находить необыкновенные решения проблем. „Юмор – это спасательный круг на волнах жизни”, – писал В. Раабе. Преподавателю-профессионалу необходимо для работы очень много душевных сил, и приобретать их можно и необходимо из разных источников, одним из которых есть юмор. Он предотвращает разные стрессы, так как дарит всем замечательные эмоции и является составной частью положительного имиджа педагога.

Интересно, что З. Фрейд связал психологические процессы остроумия с областью бессознательного, а процессы извлечения комического удовольствия – с сознанием. Для психолога важно заострить внимание на психическом компоненте языкового сознания, т. к. в этом термине объединены две различные сущности: сознание – психический феномен нематериальной природы (его нельзя измерить по пространственным признакам, нельзя услышать, посмотреть на него) – и материальный феномен произносимой или записываемой речи, а также формирования вербальных языковых связей. Лингвиста в данном феномене интересуют выражаемые посредством языковых знаков ментальные образования. Движущим смыслом философских воззрений Фрейда является язык и бессознательное, которое проявляется в языке смеха не в том смысле, что оно в нем выражается, а в том, что у них одинаковая структура, что они одинаково артикулируются и высказываются. Фрейд понимает язык как органическое целое, материей которого является буква, а формой – желание. Выразительным началом в этом случае служит не идея и не предполагаемый вещественный эквивалент слова, а сама буква или столкновение букв, которые образуют ту или иную рождающую образ конфигурацию. Язык смеха в состоянии мгновенного и полного симбиоза с желанием может дать реализацию желания (реальную или мнимую), завершающуюся несомненным удовольствием. Особенно важным для нас является то, что философ, исходя из логики их рассуждений, рассматривал остроумие, комизм, а вместе с этим и, как результат, смех, как неотъемлемые части лингвофилософской и психологической категории. Поскольку языковое сознание есть активное вербальное „отражение во внутреннем мире внешнего мира” [1, с. 24], то из контекста можно заключить, что смеховая коммуникация и языковое сознание взаимосвязаны и обогащают смысл понимания языка смеха как лингвофилософского аспекта.

Список использованной литературы

1. Лурия А. Р. Язык и сознание / А. Р. Лурия. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1998. – 336 с. 2. Троицкий С. А. Прологомены к возможной теории смеха / С. А. Троицкий // Философия XX века : школы и концепции : материалы работы секции молодых учёных „Философия и жизнь” : науч. конф. к 60-летию филос. фак. Санкт-Петерб. гос. ун-та, 21 нояб. 2000 г. [Электронный ресурс]. – СПб., 2001. – С. 271–276. – Режим доступа : http://anthropology.ru/ru/texts/troitsky_sa/phillife2000_099.html. – Загл. с экрана. 3. Фрейд З. Остроумие и его отношение к бессознательному / З. Фрейд ; пер. с нем. и коммент. Я. Коган. – СПб. : Алетей, 1998. – 309 с. 4. Фрейд З. Я и ОНО: труды разных лет / З. Фрейд ; сост. А. Григорашвили. – Тбилиси : Мерани, 1991. – Кн. 2. – 427 с.

Коробка Г. О. Взаємозв'язок мовної свідомості і сміхової комунікації в лінгвофілософській концепції мови сміху

У статті розглянуті погляди основоположника психоаналізу З. Фрейда на феномен самого сміху, що дало можливість пояснити, як тісно мова сміху пов'язана з несвідомим і наскільки важливий такий зв'язок сміху з мовною свідомістю в його лінгвофілософському трактуванні. Для мови сміху зв'язок-комунікація „Я-Ти” у лінгвофілософії може бути названий сміховою комунікацією. Щоб відбулася сміхова комунікація, необхідно, щоб між двома сторонами утворився безперервний континуум свідомості, що впливає на буття опосередковано – через свідомість, а на свідомість – безпосередньо. Пропонується вважати, що цей континуум і є мовна свідомість, де існують знаки, символи, мова, зміст, ідеї. Однак мовна свідомість не вичерпується цим континуумом. У навчальному процесі можна спостерігати, як у критичних ситуаціях мова сміху допомагає загасити конфлікт, підвищити ефективність педагогічної діяльності, що є складовою частиною позитивного іміджу педагога.

Ключові слова: мова сміху, мовна свідомість, дотепність, гумор, сміхова комунікація.

Коробка Г. А. Взаимосвязь языкового сознания и смеховой коммуникации в лингвофилософской концепции языка смеха

В статье рассмотрены взгляды основоположника психоанализа З. Фрейда на феномен самого смеха, что дало возможность объяснить, как тесно язык смеха связан с бессознательным и насколько важна такая связь смеха с языковым сознанием в его лингвофилософской трактовке. Для языка смеха связь-коммуникация „Я-Ты” в лингвофилософии может быть названа смеховой коммуникацией. Чтобы состоялась смеховая коммуникация, необходимо, чтобы между двумя сторонами образовался непрерывный континуум сознания, который влияет на бытие опосредованно – через сознание, а на сознание – непосредственно.

Предлагается считать, что этот континуум и есть языковое сознание, где существуют знаки, символы, язык, смысл, идеи. Однако языковое сознание не исчерпывается этим континуумом. В учебном процессе можно наблюдать, как в критических ситуациях язык смеха помогает погасить конфликт, повысить эффективность педагогической деятельности, что является составной частью положительного имиджа педагога.

Ключевые слова: язык смеха, языковое сознание, остроумие, юмор, смеховая коммуникация.

Korobka H. O. Language Consciousness and Laughter Communication Correlation in Linguophilosophic Conception of the Language of Laughter

The article deals with Z. Freud's conception of laughter phenomenon itself that has enabled to explain how the language of laughter is associated with the unconscious and how important the connection between the two phenomena of laughter and language consciousness is in its linguophilosophic interpretation. Laughter being irrational and unconscious is a communicative element in linguophilosophy. Language skills and communicative needs act as a premise of mastering the language and realization of communication; communicative competence acts as a display of language consciousness in the option of means of communication. Laughter is impossible without some commutability on the person's part perceiving ridiculous. This commutability, or readiness for the dialogue, characterizes the communication „I-You”. If the perceiver is ready for the laughter, it is easy to make him laugh. Otherwise, it is utterly difficult to provoke laughter. But the occurred laughter is practically impossible to cease as a person goes into ecstasies while laughing. In this state inward laughter self-stimulation takes place and the defence mechanism of isolation from the presented reality is fulfilled. It is offered to use a term „laughter communication” for the language of laughter. „Laughter communication” can be realized if uninterrupted continuum of consciousness is formed where there are signs, symbols, language etc. Uninterrupted continuum of consciousness is the basis of the dialogue-form „I-You” which helps the understanding between people. It is language consciousness itself, with the only reservation, consciousness is not confined with this continuum; it is the element of public conscience. In the academic training one can observe the language of laughter help reduce conflict and increase teaching efficiency that is the constituent part of the positive teacher's image.

Key words: the language of laughter, language consciousness, wit, humour, laughter communication.

Стаття надійшла до друку 05.02.2013 р.

Прийнято до друку 06.03.2013 р.

Рецензент – д. філос. н., проф. Дяченко М. В.